

Глеб Иванович Успенский

Тяжкое обязательство

Глеб Успенский

Тяжкое обязательство

«Public Domain»

1868

Успенский Г. И.

Тяжкое обязательство / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1868

«...Дело происходило на беднейшем постоялом дворе беднейшего уездного города; я сидел на жестком неудобном диване, слушал, как замирает ворчанье кособокого самовара, пошатывавшегося от ветру на кособоком железном подносе, курил и, кажется, ни о чем не думал. В окно виднелся плетень, за колья которого хватается какой-то солдат, намеревающийся пробраться сухой тропинкой и не попасть в грязь... За забором, где-то вдали, видна какая-то мокрая соломенная крыша, две промокшие вороны с глухим карканьем поднялись было над нею, но тотчас же и возвратились в свои норы... За мокрой соломенной крышей – тучи и тучи...»

Глеб Иванович Успенский

Тяжкое обязательство

...Дождь только что миновал; по небу непрерывно неслись толпы обессилевших жидких туч, которые изредка на быстром бегу своим роняли несколько капель на землю, на гнилой подоконник моей каморки и проносились мимо. В открытое окно иногда врывались волны сырого вечернего ветра, шевелили какую-то бумажку на столе и поталкивали тоже гнилую с выболтавшимся замком дверь. Дело происходило на беднейшем постоялом дворе беднейшего уездного города; я сидел на жестком неудобном диване, слушал, как замирает ворчанье кособокого самовара, пошатывавшегося от ветру на кособоком железном подносе, курил и, кажется, ни о чем не думал. В окно виднелся плетень, за колья которого хватается какой-то солдат, намеревающийся пробраться сухой тропинкой и не попасть в грязь... За забором, где-то вдали, видна какая-то мокрая соломенная крыша, две промокшие вороны с глухим карканьем поднялись было над нею, но тотчас же и возвратились в свои норы... За мокрой соломенной крышей – тучи и тучи... Тяжесть какая-то, которую испытываешь именно только под влиянием этих крыш, ворон, грязи и разоренья, веющего от всякой русской глуши, наваливалась на меня вместе с темнотою, сумраком дождливого летнего вечера... Бесконечным каким-то одиночеством веял и этот сырой молчаливый ветер и полузаглохшая комната постоялого двора...

– Откушали чай, батюшка? – с кашлем спросила меня ветхая и грязная старуха, входя в комнату.

– Убирай! – сказал я.

Старуха стала осторожно подходить к самовару, стараясь как можно аккуратнее ступать своими большими мужичьими сапогами. Покашливая и тяжело дыша, причем в груди ее что-то хрипело, напоминая испорченные деревенские часы, стала она убирать чашки, собирать с окна и стола ложечки и блюдцы в одно место, и в это время я заметил, что она как будто плачет: несколько раз она касалась концом грязного фартука своих глаз и как будто бы слегка всхлипывала. Сначала мне показалось, что это с холоду; но когда старуха утерла фартуком нос, то я уже не сомневался, что она плачет, ибо она так обошлась со своим носом, как это делают только горько плачущие люди.

Слезы старухи, благодаря грустному расположению духа, навеянному вечером, погодой и обстановкой комнаты, тотчас же отдались во мне.

– Ты о чем плачешь? – спросил я.

Старуха всхлипывала и, не отвечая мне, перебирала блюдцы и ложечки... Я думал, что это сердитая, должно быть, старуха, что она не ответит мне, и не повторил моего вопроса; но она, помолчавши несколько секунд, как-то отрывисто, захлебнувшись слезами, сказала:

– Жалко!..

И тотчас же опять утерла нос.

– Кого же тебе жалко? – спросил я.

– Да барыню свою очень жаль!

Корявые пальцы старухи не позволяли ей сразу справиться с чайным прибором; она попробовала было взять чашки, и поднос, и самовар – все вместе, но с подноса и блюдечка вдруг полилась на пол и стол вода; старуха принуждена была снова поставить все на прежнее место и стараться принять посуду как-нибудь на другой манер, поудобнее...

– Погляди-кось, – бормотала она, – как заливается-то, головушка!.. Глянешь, глянешь на нее, да и сама в слезы... Головушка бедная!.. Чать, видел, недавишь повозка тутотко проехала?..

– Видел!

– Ну – барыня это... Я – ее крепостная бывшая, сорок пять годов у ее выжила... мне это известно, какая у нее ангельская душа... Как увижу – кажется бы, в гроб мне легче лечь, нежели чем муку ее видеть... Вон теперче в город едет – поди-кось, полюбуйся, каково сладко причитает!..

– Да что такое с ней случилось?

– Да вот-то, вот, что погубили ее!.. Разбойник один, мошенник! Больше ему и звания нету – душегуб. Чтоб ему и с чугуном-то со своим – чугунную, вишь, дорогу вел, через барыню, через землю... Кто ж его знал, кровопийцу? Ему в душу не влезешь, тоже чиновник прозывается... «Кто вы такие будете?» – «Я, говорит, путей сообщения...»

– Кто?

– Путей, говорит, сообщения... «Какое ваше будет звание?» тоже как у доброго человека спрашиваем... А какое его звание? Чорт! Вот ему и чин его весь, прости господи.

Старуха, видимо, была рассержена. Она несколько раз обхватывала рукой самовар, чтобы унести; но негодование до тоге было сильно, что его требовалось разрешить не исполнением своих обязанностей, а чем-нибудь посторонним – обстоятельным разговором, чьим-нибудь участием...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.